В украинской истории евреев словно нет

Почему еврейский нарратив не является частью украинской истории, как разобраться со своими героями, и созрело ли общество для признания темных страниц прошлого — в интервью с кандидатом исторических наук, преподавателем магистерской программы по иудаике НаУКМА, ученым секретарем Украинской ассоциации иудаики Сергеем Гириком.

— Сергей, не секрет, что история Украины на уровне массового сознания понимается у нас как история украинского народа — еврейский, польский и другие национальные нарративы просто не являются ее составной частью. Вот и ваш курс в крупнейшем гуманитарном вузе страны называется «История евреев Украины» — не потому ли, что украинских евреев в историческом и общественном дискурсе просто нет, а есть лишь евреи, живущие на украинской территории?

— Действительно, история Украины изначально строилась по этноцентрическому принципу, и лишь сегодня, во многом благодаря зарубежным исследователям, происходит отход от этой концепции. Единственный крупный труд, в который органично вплетена еврейская составляющая украинской истории, принадлежит перу канадца Пола Роберта Магочия и представляет собой курс по истории Украины, прочитанный им в университете Торонто. Но и в этом курсе евреи занимают куда более скромное место, чем того заслуживают.

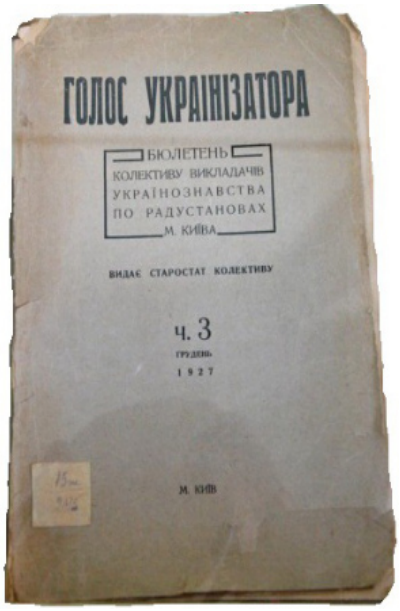
В оправдание могу лишь сказать, что все европейские нации в период своего формирования прошли этот путь. Даже Франции, которая первой начала отходить от этноцентричности, поскольку первой к ней пришла, до полного отказа от этого принципа, если судить по школьным учебникам истории, еще далеко.

Именно школьные учебники, а не академическая наука, формируют общественное сознание. А в отечественных учебниках об украинских евреях вспоминают нечасто. Есть отдельные упоминания о Министерстве по еврейским делам УНР, о погромах периода Гражданской войны, о Бабьем Яре. Лишь в одном учебнике — авторства Игоря Щупака — событиям Холокоста посвящена целая глава. При этом хочу заметить, что нынешние учебники куда лучше, чем пособия 1990-х годов, и о евреях в них сказано заметно больше.

— Тем не менее многие недоверчиво фыркнули, когда президент Порошенко упомянул евреев, как один из народов, стоявших у истоков украинской государственности. Что можно противопоставить неспособности общества увидеть в евреях часть политической нации?

— Единственный путь — рассказывать о евреях и представителях других этнических групп, формировавших эту нацию. И делать это надо не только в школьном курсе истории, но и литературы, включив в него украинских писателей еврейского происхождения — например, Леонида Первомайского или Натана Рыбака, который практически полностью вычеркнут из украинского литературного канона, а из наших современников — Моисея Фишбейна.

Леонид Первомайский с женой, 1927



Бюллетень "Голос украинизатора", сер. 1920-х

— Эти имена, скорее исключения, чем правило, поскольку подавляющее большинство евреев Украины сознательно выбрали русский язык, в то время как, скажем, евреи Чехии или Венгрии перешли после распада Австро-Венгрии с некогда имперского немецкого на языки своих соседей — чехов и венгров…

— Еврейская диаспора — как и любая другая — всегда ориентируется на язык доминантной группы, поскольку это позволяет занять более высокую ступень в социальной иерархии. Такой группой на протяжении десятилетий в Украине были русские, поэтому основная масса еврейского населения именно русский язык воспринимала как наиболее престижный. Об этом явлении настолько хорошо более ста лет назад написал Зеэв Жаботинский, что я позволю себе длинную цитату: «Уже теперь евреи во многих городах черты оседлости являются единственными, так сказать, представителями русской культуры, т.е., говоря точнее, единолично русифицируют край. Вильна, например, русифицирована только еврейской интеллигенцией, и что-то незаметно, чтобы за эту услугу евреев очень любили тамошние великороссы, зато поляки и литовцы открыто ставят евреям этот подвиг в большую вину. То же самое и в Малороссии. Украинская печать вообще и прогрессивна, и демократична, но

когда речь заходит о русификаторской роли еврейской интеллигенции, эта печать выходит из себя и положительно сбивается на антисемитские ноты. И хуже всего то, что не знаешь, какими словами протестовать, ибо ведь действительно правда, что города Украины, где великороссов можно по пальцам перечесть, и вполовину бы не носили того характера, который носят теперь, если бы еврейская интеллигенция не так усердно шла навстречу администрации в смысле насаждения русского языка».

Все это правда, но уже в 1920-е многие евреи стали воспринимать украинский язык и культуру. В это время появляются первые украинские писатели-евреи — тот же 16-летний Леонид Первомайский, публикующий первый свой очерк в полтавской газете «Червоний юнак», или Арон Копштейн, чей сборник «Хочемо, прагнемо, можемо» выходит в начале 1930-х (этот талантливый поэт погиб в ходе Финской кампании в 1940-м, пытаясь вытащить тело друга с поля боя, — М.Г.)

— Сергей, а как складывались отношения между народами, когда Украина в той или иной форме активизировала поиски своей идентичности — например, в период коренизации, когда много еврейских детей окончили украинские школы?

— Это интересный период, поскольку параллельно шла, условно говоря, еврейская коренизация — были созданы три еврейских национальных района, в которых языком делопроизводства был идиш, и работали, за редкими исключениями, только еврейские школы. Я уж не говорю о многочисленных еврейских техникумах и отделениях при различных вузах, где преподавали на идише. Мало кто знает, что нынешняя Одесская аграрная академия — прямая наследница Еврейского сельскохозяйственного института, открытого в те годы в Одессе.

При этом большинство евреев УССР жили вне национальных районов, поэтому еврейское население больших городов должно было так или иначе — в рамках общего процесса — украинизироваться. Естественно, это привело к тому, что часть евреев овладела украинским языком, а некоторые заняли свое место в украинской культуре. Но большинство этот тренд не затронул — на бытовом

уровне евреи и так понимали украинский язык, однако продолжали использовать в быту идиш или русский.

Слишком недолгим был этот процесс, чтобы судить о его влиянии на отношения между народами. В середине 1930-х национальная политика резко изменилась, а после Холокоста — о каком влиянии можно говорить, если численность евреев, окончивших когда-то украинские школы, уменьшилась в разы.

— Как трактуются в рамках вашего курса исторические события, которые один народ воспринимает как взлет национального духа, а другой — как трагедию, например, восстание Хмельницкого или Колиивщину?

Самодеятельный духовой оркестр,
Калининдорфский еврейский национальный район, 1936

— Оценка этих событий — как украинской романтической историографией, так и еврейской историографией времен Шимона Дубнова — представляется мне тенденциозной. Современные же историки куда более сдержанны — никому не приходит в голову отрицать факт уничтожения еврейского

населения в период украинских восстаний. Что касается цифр потерь, я опираюсь на работы профессора Шауля Штампфера как наиболее авторитетного исследователя истории еврейских общин в эпоху Хмельнитчины. С одной стороны, он говорит «всего» о 10 000 — 20 000 погибших (при том, что Натан Ганновер писал о 100 000), но это огромная цифра, иллюстрирующая масштабы катастрофы, ведь общая численность еврейского населения на этих землях, согласно расчетам Штампфера, не превышала тогда 40 000 человек. Собственно, в украинской национальной историографии это не оправдывается, этого сюжета в ней просто нет.

— А в общественном дискурсе он присутствует?

— Отчасти. Ряд украинских интеллектуалов вполне в состоянии воспринять это как трагедию соседей. Но большинство об этом просто не знает и не задумывается — в СМИ эти сюжеты практически не возникают.

— Но о вознесении на пьедестал Гонты и Железняка кое-кто задумался, и общество приняло это как должное…

— Это была явная провокация, учитывая, *где именно* увековечили память этих персонажей — в Умани, куда каждый год съезжаются тысячи хасидов. Разумеется, инициаторы этой акции преследовали явно не те цели, которые официально декларировали. Другое дело, что основная масса населения просто не поняла, что это провокация. Хорошо, что хоть резню не обыграли в самом проекте, ведь даже в царское время отказались положить «жида и ляха» к ногам Хмельницкого, хотя первоначально памятник гетману скульптора Микешина должен был выглядеть именно так.

— Оставим предания старины глубокой, в конце концов, события 400 или 250-летней давности сложно воспринимать на личном уровне. А вот перипетии XX века, свидетелями которых были наши дедушки и бабушки, ставят гораздо большую проблему перед современными украинскими историками. В Польше осознание того, что поляки были не только жертвами, но и палачами (в том числе соседей-евреев), началось лет пятнадцать назад с трудов Яна Томаша Гросса, в Литве это начинается сейчас — с книги Руты Ванагайте «Наши». Реально ли появление таких книг в Украине или общество еще не созрело для признания отдельных темных страниц своего прошлого?

— Эти вопросы поднимаются — и Ярославом Грицаком, и Андреем Портновым, да и другими историками. Другое дело, что их статьи не могут стать поводом для общенациональной дискуссии, как это случилось с книгами Гросса в Польше. В лучшем случае это тема для диспута в академической среде или однозначного осуждения в среде правонационалистической.

Гибель или страдания на украинской земле тех или иных *других* просто не может «взорвать» общественное мнение, по всей видимости, мы — как народ — еще не переросли этап этноцентризма. Это верно не только по отношению к евреям. Недавно на государственном уровне отмечалась годовщина депортации крымских татар — большой это вызвало интерес со стороны широкой общественности? То же самое можно сказать о Волынской трагедии 1943 года — к годовщинам этих событий — в 2003 и в 2013 годах — завязалась какая-то дискуссия, но она ограничилась академическим дискурсом.

Трагедия других этнических групп — вне зависимости от того, кто их уничтожал, — не интересует бо́льшую часть украинцев. В определенной мере это обусловлено комплексом жертвы, который присущ украинскому народу. Вильфрид Ильге в своей статье «Змагання жертв» («Критика», 2006, № 5) демонстрирует, как Холокост и Голодомор конкурируют в сознании украинцев, доказывая, что многие не воспринимают Холокост как исключительную трагедию, поскольку сравнивают ее с Голодомором, доводя число его жертв до цифры погибших в годы Холокоста. Это надо перерасти, и, видимо, 25-ти лет существования украинского государства в его нынешней форме для этого недостаточно.

— Как еврею мне глубоко неприятен тезис о том, что какой-то народ впитывает антисемитизм с молоком матери, как в свое время сказал премьер Израиля Ицхак Шамир о поляках. Но если мы — как украинцы, так и евреи — не объясним себе причины вспышек взаимной ненависти, то так и не сможем отрефлексировать прошлое. Чем, например, объяснить волну стихийных погромов, прокатившихся по Галиции еще до прихода немцев летом 1941-го? Реакцией на двухлетнее большевистское правление? Но евреев в Народном собрании Западной Украины практически не было. Эффективностью нацистской пропаганды? Но мы говорим о самых первых днях войны…

— Это правда, в некоторых местах погромы произошли через несколько часов после отступления советских войск, еще до прихода немцев. Возможно (это мое предположение), свою роль сыграла немецкая пропаганда на польском языке, которая с 1939 по 1941 год достигала и Западной Украины, вошедшей в состав СССР, — у многих были радиоприемники со свободной настройкой, а польским владели все. Надо понимать, что это был единственный альтернативный источник информации, причем, после заключения пакта Молотова-Риббентропа эти передачи не носили антисоветский характер, зато имели ярко выраженную антисемитскую направленность.

Во Львове было по-другому — там немцы, открыв тюрьму на Лонцкого (где в июне 1941-го сотрудники НКВД расстреляли около тысячи заключенных) и заставив евреев выносить тела жертв, спровоцировали погром. Общим для погромной волны было то, что она проходила без непосредственного участия немецких войск. Вермахт в первые недели войны не был задействован в

расстрелах еврейского населения (кроме двух городов в Беларуси — Гродно и Лиды), поскольку это подрывало моральный дух солдат. Что касается подчиненных СС и СД айнзацгрупп, которые целенаправленно занимались «окончательным решением», то они продвигались на восток непосредственно за Вермахтом и начинали «работу» через несколько дней после вступления в город.

— Не смущает ли украинских историков подчас неловкое «соседство памятей»? Самый свежий пример — постановление ВР о введении в официальный календарь 2016 года двух памятных дат — 75-летия трагедии Бабьего Яра и 90-летия со дня убийства Петлюры. В состоянии ли кто-то сегодня хоть сколько-нибудь критически подойти к личности Петлюры — даже вне контекста погромов — достаточно вспомнить, что именно Петлюра в рамках Варшавского договора 1920 года фактически отдал всю Западную Украину Польше. Или, пока существует угроза украинской государственности, никакие рефлексии на эту тему невозможны — образ героя ничем не должен быть запятнан…

Сто карбованцев периода УНР с текстом на идише, 1917

— Лично для меня **—** да и для многих моих коллег **—** Петлюра не герой, поскольку «герой» **—** термин не научный и эмоционально насыщенный.

Варшавский договор упоминается сегодня даже в школьных учебниках как вынужденный акт. Еврейские погромы

— тоже не фигура умолчания, даже такой националистически ориентированный историк, как Владимир Сергийчук, довольно тенденциозно отбирающий материалы для своих сборников документов, не отрицает участие петлюровских войск в погромах. Он лишь демонстрирует, что Верховный атаман не несет за них ответственность — вина Петлюры скорее в том, что он принял на себя командование армией, не имея возможности ее контролировать.

Да и в еврейской исторической памяти Петлюра отнюдь не самая демоническая фигура, вспомним хотя бы о его контактах с Жаботинским. Я уж не говорю о создании Министерства по еврейским делам в период Центральной рады, функционировавшего и при Директории. На эту тему стоит почитать книгу «Жидівська національна автономія в Україні 1917–1920 рр.» Соломона Гольдельмана, занимавшего ряд высоких постов в правительстве УНР, а после эмиграции ставшего одним из организаторов Украинской хозяйственной академии в Праге.

С одной стороны, понятно, что в целом образ Петлюры формировали не люди, подобные Гольдельману. С другой, очевидно, что академическая историография и практическая политика — совершенно разные сферы, у нас не платоновское государство, и интеллектуалы пока не определяют его курс. Поэтому введение в официальный календарь тех или иных памятных дат — это вопрос государственных интересов, понимаемых весьма специфически.

— Наверное, только в стабильном государстве, не пытающемся наспех сколотить свой пантеон, возможен глубокий исторический анализ — не на потребу очередных интересантов?

— К счастью, академическая наука и государственная политика не столь активно пересекаются в Украине, поэтому у историков есть возможность вести исследования и свободно публиковаться без оглядки на то, как это воспримет истеблишмент. Другое дело, что не всегда удается донести свои взгляды до массовой аудитории — у нас нет исследователей, которые, как Гросс или Ванагайте, могли бы умело преподнести свою книгу, а те, кто это умеет, — очень далеки от науки. Но, как знать, возможно, скоро такие историки появятся.

Беседовал Михаил Гольд